

ПОЭМА О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

I

«Постой!» А щебет птиц уже далече.
«Люблю!..» А ты не хочешь отвечать.
Упал туман на худенькие плечи
Тяжёлый, как свинцовая печать.

Когда меня обдаст тоской и грустью
И с чьих-то губ сорвётся вновь: «Прощай!»,
Привидится — вдали над светлой Русью
Рыдают стаи, крыльями треща!

И понесёт навстречу ветру — чалый
В степную даль, отчаянно храпя.
Эй, ратник, снова в сердце постучало
Стальное жало вражьего копья!

Глубокий снег топтали в схватке кони.
Сквозь дым светились искорки Стожар,
И повелитель орд из-под ладони
Взирал на разгоравшийся пожар.

Набатный гул над русскими лесами,
И не поднять свинцовой головы...
А где-то рядом девушка с глазами,
Вобравшими цвет неба и травы.

Задорная, как тонкая берёзка.
Желанная, как вешняя заря.
Но эхо не доносит отголоска,
И пропадает робкий оклик зря.

Вставай! Вставай!

Рассвет нахмурил брови.
Копыто пламя высечет из льда.
На озере в потоках алой крови
Пусть захлебнётся горькая беда!

II

Вы слышите — ревёт труба,
Упёршись в небо голубое!
В бою решается судьба
Руси и нас с тобою!

Настал дружинникам черёд:
Взойди скорее, солнце!
За Русь, за Новгород — вперёд!
Нацель копьё в ливонца!

Сомкни теснее пеший строй,
Веди в атаку — конный...
Вороний камень за спиной,
И с нимбом — лик иконный.

А из разбуженных боров
Зверьё бежит, спасаясь.
И лёд покрыла морем — кровь,
Колен бойцов касаясь.

Весь день звенели о броню
Звенящих стрел раскаты.
И князь покой не дал коню —
С восхода до заката.

Пощады не было врагу.
Победно пели трубы.
А меж промоин на снегу —
Лежали вражьи трупы!

III

Любимая, я ранен был тогда.
Смеёшься? Что ж,
 порою смех — полезен.
Два глаза — словно два осколка льда...
И застывают в горле птицы песен.

Но только знаешь, как горят снега
Под оком солнца-батюшки Ярила!
Ты говоришь: «То — давние века!»
Ах нет, ты ничего не говорила?!

Люби меня!

Люби меня!!

Люби!!!

До верности, до нежности, до крови!
Над нами вьюга вьётся и рябит.
Но я тебя щитом стихов укрою!

Февральский снег — он режет мне глаза.
Опять зима завывала в отдаленье.
Она умеет вешние леса
Заколдовать в промёрзшие поленья!

Набег зимы, а впрочем, что зима?
Вся жизнь одни сраженья и набеги.
Остались в прошлом: избы, терема,
Былинный звон, покосы и телеги.

Но тот, кто светлой Русью окрещён,
Кому заветы прадедов известны,
Во сне с ордою рубится ещё
И о любви поёт под гусли — песни.

А по всему заснеженному краю
Так мало тех, кто может верной быть.
Вот почему я тихо повторяю:
«Люби меня!

Люби меня!!

Люби!!!»

IV

Только брови сомкнутся строже,
Если в сердце опять кутерьма.
Этот март и апрель был прожит:
Безо сна,
без греха,
без ума!

Только зори смеялись звонко,
Застывая весенним льдом.
Только в сердце моё — девчонка
Вдруг вошла, как в пустынный дом.

Постояла, стихи послушав,
Посмотрела на образа.
Отогрела зачем-то душу.
И ушла, опустив глаза.

V

Содрогнулась земля
от весеннего гуда.
Ну а мне бы сейчас —
холода и метель.
Я прощаюсь с тобой,
сероглазое чудо:
На последней струне
заиграл менестрель.

А в заветных краях,
где сады молчаливы,
Где берёзки да сосны
да чащи ольхи —
Расцветают под дождиком
вишни и сливы.
В предрассветную тишь
гомонят петухи.

Обретя пустоту,
задохнувшись от боли,
Понимаю, что мне ни к чему два крыла.
Жизнь прожить —
перейти Куликово поле.
Так не лучше ль,
чтоб сразу скосила стрела?!

Я не знаю, куда
заведёт бездорожье.
Я мечтаю,
чтоб встретиться нам довелось.
Пусть сияет
весеннее солнце над рожью
Золотых, непокорных,
любимых волос!

VI

Конница уходит на рысях,
Затоптав в траву ночные звёзды.
Ждёшь ли ты, надеясь и грустя?
Между нами вёрсты,
 вёрсты,
 вёрсты.

Конница уходит, топоча,
Уминая плотно даль за далью,
Чтобы серп ордынского меча
Был сурово встречен русской сталью.

И упёрлась в древние года
Жизнь моя, моя стрела-дорога
От Чудского треснувшего льда
До Донского солнечного лога!

А любовь, она такой пустяк.
Только без неё на сердце камень...
Конница уходит на рысях.
Летний зной дрожит над васильками!

VII

Вот опять над взлохмаченным стогом,
Небо пробую парусом крыл,
Собираясь со стаей в дорогу,
Мне тревогу вожак протрубил!

И в тоскующих лебедях Блока
Мне опять померещилась — ты!
И гортанные крики Востока.
И Руси огневые щиты.

Будто мы — на пороге апреля.
Будто пахнет сырою травой.
Будто лебеди в звоне капли
Над твоею плывут головой.

И в предчувствии горькой разлуки
Я бреду, безоружный, туда,
Где тугие нацелила луки
В лебединое сердце — беда.

Резко смолк оборвавшийся лепет...
И упрямо, не веря в беду,
Тихо падал, как раненый лебедь,
Снег апреля — последний в году!

VIII

Ты все поймёшь, ты все потом поймёшь
И загрустишь, взглянув прозревшим оком,
Как след любви стирал весенний дождь
Медлительным и солнечным потоком.

Как радугой, любовь мою рубя,
Промчались дней июньских вереницы...
Всё было, только не было тебя.
Моей любовью вспугнутой жар-птицы.

А как грустила осень, золотя
Сады, где мы с тобою не бродили...
И снова падал занавес дождя.
И снова город сумерки обвили.

Любимая, метелям сбор трубя,
Опять январь над нашим парком кружит.
Год тихо канул в вечность без тебя.
Год в память врос осколком зимней стужи!